

**УБИЙСТВО, КРОВНАЯ МЕСТЬ И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ
В СООТВЕТСТВИИ С ПОЛОЖЕНИЯМИ САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ**

© 2019

И.А. Александров, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: смертная казнь; убийство; кровная месть; противоправное причинение смерти; Салическая правда.

Аннотация: В статье анализируются вопросы, касающиеся смертной казни, кровной мести и противоправного причинения смерти. Данные категории рассматриваются применительно к положениям Салической правды, составленной в правление франкского короля Хлодвига в конце V – начале VI в. Актуальность исследования обуславливается неоднозначностью роли категории «смерть» в юриспруденции и целесообразностью разграничения терминов «смертная казнь» и «убийство». В этой связи небезынтересным представляется изучение соотношения данных понятий в рамках вышеназванного раннефеодального памятника права. В статье дается характеристика представлений древних германцев о кровной мести за убийство. Рассматривается совокупность положений Салической правды о выплате вергельда, иными словами композиции, включающей в себя материальную компенсацию, искупление вреда. Определенное внимание уделяется титулу LVIII Салической правды, который именуется «О горсти земли», и точкам зрения по поводу трактовки его положений. Также рассматривается перечень преступлений, за совершение которых Салической правдой предписывалось в качестве наказания применение смертной казни. Указывается целесообразность сопоставления соответствующих положений Салической правды с другими правовыми памятниками рассматриваемого периода, содержащими упоминания ряда иных противоправных деяний, каравшихся смертью. В частности, речь идет об эдикте остготского короля Теодориха (V в.). В заключение делается вывод, что в Салической правде обычай кровной мести за убийство заменяется системой так называемых вергельдов, в различных размерах которых нашли проявление социальные различия между теми или иными слоями населения.

ВВЕДЕНИЕ

Говоря об актуальности выбранной темы, следует отметить, что значение понятия «смерть» в юриспруденции весьма многообразно. Так, в рамках уголовного права, с одной стороны, идет речь о противоправном причинении смерти другому лицу (убийство, причинение смерти по неосторожности), а с другой – о правомерном деянии, связанном в том числе с институтами кровной мести (при условии, что она санкционирована действующими источниками права) и смертной казни. Если рассматривать данный вопрос в более широком смысле, то при соблюдении определенных условий в качестве правомерного деяния можно расценивать причинение смерти неприятелю в ходе военных действий, причинение смерти особо опасному преступнику при невозможности его задержания, причинение смерти в состоянии необходимой обороны, аборт (в зависимости от того, что считать моментом начала жизни). Также в ряде обществ на некоторых этапах исторического развития в качестве вполне законных рассматривались человеческие жертвоприношения, дуэли и подобные деяния. Отдельно следует сказать о смерти в результате несчастного случая, собственно естественной смерти (в силу каких-либо причин), которые сами по себе вряд ли могут быть названы правомерными или противоправными [1].

Еще Дж. Локк говорил о разграничении терминов «смертная казнь» и «убийство» и некорректности их смешивания. Термин «убийство» несет в себе негативную оценку соответствующего действия, в то время как в случае смертной казни речь идет о лишении жизни преступника в соответствии с требованиями юридических норм [2; 3].

Цель работы – выявление особенностей категорий «убийство», «кровная месть» и «смертная казнь» применительно к такому памятнику права, как Салическая правда.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматривая институты кровной мести и смертной казни применительно к раннефеодальному праву Западной Европы, нельзя не коснуться содержания так называемых «варварских правд», или *Leges Barbarorum* (включавших в себя многообразные правовые обычаи, устоявшиеся образцы судебных решений), которые, как отмечает Н.А. Крашенинникова, дают наиболее полное представление о характере правовых норм указанного периода [4; 5]. Особый интерес представляет одна из самых древних из них – Салическая правда (*Lex Salica*), составленная в правление франкского короля Хлодвига в конце V – начале VI в. [6–8].

Что касается вопросов кровной мести за убийство, то здесь целесообразно сказать несколько слов о соответствующих представлениях древних германцев. Не вполне ясен вопрос о разграничении в Салической и других «варварских правдах» умысла и неосторожности. Конечно, в этих памятниках права отсутствуют какие-либо четкие формулировки общих положений, которые относились бы ко всем правонарушениям. Вероятно, отчасти на этой основе может складываться мнение, что преступлением у древних германцев (в том числе франков) считался только всякий внешний очевидный вред; «причем не обращали ни малейшего внимания на волю и нравственную вину причинившего вред» [9]. Согласно другой точке зрения, по результатам анализа ряда конкретных норм можно сделать вывод,

что в «варварских правдах» существовало понимание форм вины: так, при «небрежном» причинении свободным вреда животному другого человека (если виновник сознается в содеянном) по Салической правде следовало простое возмещение ущерба его хозяину [4]. В этой связи следует констатировать, что употребляемый в переводе Салической правды (и, соответственно, нами в данной работе) термин «убийство» в некоторых случаях несколько отличается от его интерпретации в современном уголовном праве, когда под убийством понимается исключительно умышленное причинение смерти.

Как и всякое другое злодеяние, убийство влекло за собой возмездие не со стороны государства, а со стороны потерпевшего. Но так как последний в данном случае не мог за себя мстить, то это обязаны были сделать его родичи. При этом месть имела двойной смысл и для всего общества, и для близких потерпевшего. Общество она охраняла, так как осознание возможности подвергнуться мести должно было в определенной мере сдерживать тех или иных лиц от совершения преступления. Для близких потерпевшего она была удовлетворением чувства справедливости, так как таким образом восстанавливалось нарушенное убийством равновесие между родами. Совершавший убийство не только отнимал жизнь у своей жертвы, но и всему роду убитого наносил существенный материальный ущерб, лишая этот род воина-защитника, работника, разделявшего труд родичей на общей родовой земле, и т. д. Нарушенное равновесие восстанавливалось, когда род, который понес потерю, умертвлял убийцу, и таким образом род убийцы нес такую же потерю воина и работника, как и род убитого. Эта «частная кровавая расправа» с течением времени, по мере смягчения нравов, заменяется другой, менее грубой формой удовлетворения чувства справедливости и материального ущерба – местью замещается выкупом. Род убийцы входил в соглашение с родом убитого и за определенный платеж выкупал у него жизнь убийцы. Таким образом, материальный вред, нанесенный роду убитого потерей одного из его членов, устранялся материальным вознаграждением со стороны рода убийцы. Соответственно, данная уплата вознаграждения за жизнь убитого практиковалась в эпоху «варварских правд» [10].

В первую очередь следует отметить совокупность положений Салической правды о выплате виры или вергельда, т. е. композиции, включающей в себя материальную компенсацию, искупление вреда, штраф [11; 12], размер и иные особенности которого варьировались в зависимости от социального положения убийцы и убитого, пола и возраста последнего, а также от способа убийства, сокрытия следов преступления и т. д. (в работе мы использовали перевод Салической правды, осуществленный Н.П. Грацианским, под редакцией В.Ф. Семенова [13, с. 395–439]).

За убийство свободного франка по Салической правде (XV, 1; XLI, 1) полагалась выплата вергельда, равного 200 солидам (сол.), т. е. римским золотым монетам весом около 5 г, чеканившимся со времен императора Константина (IV в.) и воспринятым франками так же, как и серебряный римский денарий (ден.), составлявший 1/40 часть солида [14]. При определенных условиях сумма вергельда за причинение смерти сво-

бодному франку, не находившемуся на королевской службе, увеличивалась до 600 сол.:

1) если виновник бросил труп в колодец или в воду, покрыл его ветвями или чем-либо другим (XLI, 2);

2) если свободный человек умер в колодце, куда был брошен виновником (XLI, 9, приб. 4-е);

3) если было совершено «человекоубийство скопищем» в доме убитого (XLI, 1);

4) если убитый находился в походе (LXIII, 2).

Также увеличенный вергельд по Салической правде полагался за убийство свободной женщины. Его конкретная сумма связывалась, в частности, со способностью женщин к деторождению. Вергельд за убийство свободной девушки составлял 300 сол. (XXIV, 5, приб. 4-е). За убийство свободной женщины после того, как у нее появлялись дети, полагалось выплатить 600 сол. (XXIV, 6), а за убийство свободной женщины после того, как она уже не может более иметь детей, – 200 сол. (XXIV, 7). Если от побоев умирала свободная беременная женщина, вергельд составлял 700 сол. (XXIV, 3). Следует отметить, что еще в двух параграфах (XXIV, 2, приб. 1-е; XLI, 3) содержится более общая норма, согласно которой вергельд в сумме 600 сол. назначался за убийство свободной женщины (без каких-либо уточнений).

Что касается убийства детей, то Салическая правда предписывает: «если кто лишит жизни мальчика до 10 лет включительно и будет уличен, присуждается к уплате 24 000 ден., что составляет 600 сол.» (XXIV, 1). Кроме того, убийство «длинноволосового мальчика» (вероятно, подразумевалась принадлежность к знатному роду) также влекло выплату вергельда в 600 сол. (XXIV, 2). Выплата вергельда в размере 100 сол. полагалась в случае, если «кто лишит жизни ребенка в утробе матери раньше, чем он получит имя» [13; 15, с. 213].

Значительно меньше, по сравнению со свободными франками, ценилась жизнь представителей ряда социальных групп. За жизнь раба Салическая правда предписывала уплатить 35 сол. (X, 2, приб. 1-е). В 30 сол. (также взамен родовой мести платился штраф в 45 сол.; «все же 75 сол.») оценивалась жизнь дворцового слуги, а также кузнеца, золотых дел мастера, свинопаса, виноградаря, конюха. За убийство римлянина – тяглового человека полагалось выплатить 63 сол. (XLI, 7), за убийство римлянина – землевладельца, не являвшегося королевским сотрапезником, – 100 сол. (XLI, 6). Только убийство римлянина – королевского сотрапезника предполагало уплату вергельда в 300 сол. (XLI, 5) [13; 16]. Особо оговаривались следующие ситуации:

1) если раб убивал раба («господа пусть разделят между собой убийцу» (XXXV, 1)). Если же чужой раб или лит (по одной из точек зрения литы являлись потомками завоеванного кельтского населения [14]) лишал жизни свободного человека, преступник отдавался родственникам убитого в качестве половины вергельда, а его господин уплачивал вторую половину (XXXV, 5);

2) если чужая рабыня умирала вследствие насилия, причиненного рабом. Виновник должен был уплатить господину рабыни 6 сол. или же его кастрировали, а господин раба возмещал стоимость рабыни (XXV, 7);

3) «человекоубийство скопищем» раба, полусвободного лита или римлянина «уплачивается в половине» (см. выше: убийство скопищем свободного франка) (XLI, 4)).

За убийство же свободных лиц, состоящих на королевской службе, в том числе графа, сацебарона (XLI, 3; LIV, 1 и 3), платился утроенный вергельд, равный, как уже говорилось, 600 сол. (вергельд за убийство сацебарона или вице-графа – королевского раба составлял 300 сол. (LIV, 2)) [13; 17]. Вергельд за подобное деяние увеличивался до 1 800 сол., если: 1) преступник бросал тело в воду, в колодец или «чем-нибудь» прикрывал (XLI, 4). Судя по всему, эта норма касалась и аналогичных действий, совершенных с трупом свободной женщины [10]; 2) «человекоубийство скопищем» произошло в доме убитого (XLII, 1); 3) состоявший на королевской службе убитый человек находился в походе (LXIII, 2).

Значительный вергельд назначался и за убийство представителей духовенства: 300 сол. за убийство диакона (LV, 4, приб. 6-е); 600 сол. за убийство священника (LV, 4, приб. 5-е); 900 сол. за убийство епископа (LV, 4, приб. 7-е).

Наконец, отдельно рассматривались вопросы ответственности за такие правонарушения, как:

1) если кто-нибудь давал другому выпить отвар трав с целью умертвить его, то он присуждался к уплате 200 сол. (XIX, 1);

2) если кто-нибудь был убит каким-либо домашним четвероногим животным, его хозяин должен был уплатить половину вергельда, а само животное шло в возмещение второй половины (XXXVI, 1) [13; 18];

3) «если кто найдет на перекрестке дорог человека без рук и без ног, брошенного там его врагами, и добьет его, присуждается к уплате 100 сол.» (XLI, 8). Отмечается, что «безрукий и безногий человек», неспособный ни к труду, ни к войне, был менее ценен для своего рода, чем здоровый. Враги, которые отрубили ему руки и ноги, отняли у него уже половину жизни, добивший же его отнял только остальную; в связи с этим и вергельд здесь половинный [10].

Рассматривая подобную систему композиций (вергельдов) у германских племен в целом, один из дореволюционных исследователей А.Ф. Кистяковский указывал, что композиции имеют более позднее происхождение, чем месть. Возможность их применения, по его мнению, связана с возникновением «некоторой гражданственности», когда человек уже владел вещами, которые он мог бы отдать в качестве вознаграждения, а также когда появилась хотя бы слабая «общая власть». С появлением и усилением этой власти связывается ограничение мести (прежде всего за «ненамеренные и случайные происшествия») [9, с. 83].

Таким образом, в Салической правде обычай кровной мести и иные проявления принципа талиона заменяются рассмотренной выше системой композиций в пользу сыновей и других родственников потерпевшего или в пользу государства. В этом контексте интересен титул LVIII Салической правды, именуемый «О горсти земли», который касается следующего случая: «Если кто лишит жизни человека и, отдавши все имущество, не будет в состоянии уплатить следующее по закону, он должен представить 12 сопрысяжников... Если же никто не поручится в уплате виры, т. е. в возмещении того, что он не заплатил, тогда он должен уплатить виру своею жизнью (курсив наш. – И.А.)».

Последний фрагмент по-разному трактуется исследователями (по крайней мере, ими используются нерав-

нозначные понятия): одни видят в подобных нормах указание на остатки обычая кровной мести [9], другие говорят о смертной казни [13]; согласно третьей точке зрения, в приведенном параграфе речь идет о кровной мести или наказании через суд [11]. Кроме того, отмечается, что данная норма касается только неуплаты свободным человеком вергельда за убийство другого свободного человека [11; 13].

Помимо этого несколько неоднозначного положения в Салической правде упоминаются три преступления, за которые прямо предписывалось применение смертной казни в качестве наказания, в том числе к свободным лицам:

1) если кто-нибудь сжигал чужой дом и потерпевший не имел места, куда поместить спасенные от огня вещи, и если виновник был вызван на суд и не явился без уважительной причины (болезнь, королевская служба, смерть кого-либо из близких), он подлежал смертной казни или присуждался к уплате 200 сол. (XVI, 1, приб. 1-е);

2) если граф, не будучи задержанным уважительной причиной либо королевской службой, «ни сам не пойдет» (взыскивать долг), «ни пошлет заместителя, который бы потребовал справедливости и правосудия, он должен быть лишен жизни или выкупить себя за столько, сколько следует» (L, 4);

3) если граф, приглашенный по упомянутому выше делу, «осмелится взять что-нибудь сверх законного и справедливого долга, пусть или выкупится, или заплатит жизнью» (LI, 2).

Дополнительно можно упомянуть параграф 8, приб. 9-е (титул XLI), согласно которому если кто-нибудь напрасно обвинял свободного человека в каком-либо преступлении и за это обвиненный был предан смертной казни, то [клеветник] присуждался к уплате 300 сол.

По мнению исследователей, в основном смертная казнь в соответствии с предписаниями Салической правды применялась в качестве наказания рабов. Также отмечается, что за совершение правонарушения литу, как правило, полагалось такое же наказание, как и рабу [4]. Например, королевский раб или лит, похитившие свободную женщину, приговаривались к смерти (XIII, 7). Также рабы приговаривались к смерти за совершенные кражи со взломом или подделку ключей (XL, 5). По Капитулярию I к Салической правде раб, женившийся на свободной женщине, подвергался колесованию. Женщина, вступившая в брак с рабом, объявлялась вне закона, ее имущество поступало в казну, а родственники могли безнаказанно убить ее.

Как уже говорилось, Салическая правда формировалась на основе обычного права, что оказало влияние на такие ее особенности, как неполнота, фрагментарность, бессистемность. «Зафиксировать все многообразие обычаев было невозможно, особенно если учесть, что записывались они в форме конкретных юридических казусов, взятых непосредственно из жизни» [4, с. 414]. Поэтому рассмотренный перечень правонарушений, в качестве наказания за которые применялась смертная казнь, вряд ли являлся исчерпывающим. Своеобразным подтверждением этому выступают другие правовые памятники соответствующего периода, содержащие указания на ряд иных противоправных деяний, караемых смертью. К примеру, ст. XVII эдикта (свода законов)

остготского короля Теодориха (V в.) предписывала приговаривать похитителя свободной женщины или девушки с его сообщниками (социальное положение (нахождение в рабстве и т. п.) преступников не уточняется) к смертной казни [13]. Этот же эдикт предусматривал, что соблазнитель свободной девушки, обладавший богатством и принадлежавший к знатному роду, был обязан взять ее в жены. Если же соблазнитель не обладал богатством или знатностью, то он «как осквернитель чести свободной девушки» подлежал смертной казни.

В литературе, посвященной данному вопросу, отмечается, что значительные заимствования из римского права в эдикте Теодориха выразились, в частности, в возрождении римско-имперской нормы об «оскорблении величества», предусматривавшей смертную казнь через сожжение, о «подстрекательстве к мятежу в народе и войске», также влекущим смертную казнь через сожжение [4].

Что же касается Салической и других «варварских правд», то они в целом «не восприняли норм позднеримского уголовного права с их широким применением смертной казни, что было связано с иными, чем у римлян, целями и задачами наказания. Главная цель композиции, штрафа у германцев – предотвращение прямых боевых действий, кровной мести, дальнейшей междоусобицы, вражды между дворами, кланами, родами и пр., возникающей вследствие "нарушения чести"» [4, с. 426].

В дальнейшем в процессе развития западноевропейского феодального права наказание, главной задачей которого становится возмездие и устрашение, все более ужесточалось. Широкое распространение получила смертная казнь, в том числе в квалифицированном виде (четвертование, сожжение и т. п.), и телесные наказания (битье палками, отсечение или вырывание языка и др.). Повсеместно стали жестоко наказывать за религиозные преступления [19–21].

ВЫВОДЫ

В заключение следует отметить: в Салической правде обычай кровной мести за убийство заменяется системой вергельдов, в различных размерах которых нашли проявление социальные различия между теми или иными слоями населения (в том числе свободного). Согласно одной из точек зрения, остатки обычая кровной мести проявились в титуле Салической правды, называемом «О горсти земли». Согласно другому мнению, в этом случае следует говорить уже о смертной казни, которая в целом получила не столь широкое отражение в положениях Салической правды, в частности, по сравнению с более поздним западноевропейским феодальным правом.

Статья подготовлена по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Правонарушение – основание юридической ответственности: традиционные подходы и новые концепции», Тольятти, 14–15 марта 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Флиер А.Я. Культура лишения жизни // Историческая психология и социология истории. 2008. Т. 1. № 2. С. 146–162.
2. Локк Дж. Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.
3. Полетухин Ю.А. Классики правовой мысли эпохи Возрождения и Просвещения о проблеме применения смертной казни // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 19. С. 110–115.
4. История государства и права зарубежных стран. Т. 1. Древний мир и Средние века / ред. Н.А. Крашенинников, О.А. Жидков. М.: Норма, 2008. 720 с.
5. Золотарев А.Ю. К истории создания прологов «варварских правд» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 2. С. 61–65.
6. Советская историческая энциклопедия / ред. Е.М. Жуков. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1969. 496 с.
7. Хачатуров Р.Л. Генезис юридической ответственности. Часть 1 // Право и политика. 2006. № 8. С. 38–57.
8. Лядова М.В., Тучик Е.С., Лядова А.В. Историко-правовой анализ вопросов тяжести причинения вреда здоровью в первых законодательных документах // История государства и права. 2014. № 11. С. 14–18.
9. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула: Автограф, 2000. 272 с.
10. Книга для чтения по истории Средних веков / ред. П.Г. Виноградов. Вып. 1. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1896. 447 с.
11. Косарев А.И. История государства и права зарубежных стран. М.: Норма, 2003. 464 с.
12. Костромин А.С. Наказания, связанные с материальным воздействием на осужденного, в истории уголовного права зарубежных стран // История государства и права. 2007. № 1. С. 40–42.
13. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 1. Древний мир и Средние века / ред. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. М.: Норма, 2005. 816 с.
14. Суровень Д.А. Правовое положение населения по «Салической правде»: к вопросу о сущности варварских обществ и государств // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 14. С. 87–151.
15. Якшигулов Ф.М. Ретроспективный анализ развития законодательства в области защиты прав и достоинств ребенка // Вестник ВЭГУ. 2015. № 5. С. 212–218.
16. Земляков М.В. Социально-правовой статус людей короля и церкви в Рипуарской правде: между рабством и свободой // Средние века. 2015. Т. 76. № 3-4. С. 76–100.
17. Шпалтаков В.П. Государство и экономика в эпоху Средневековья // Инновационная экономика и общество. 2017. № 4. С. 15–28.
18. Молчанов Б.А. Субъект преступления в законодательствах государств Европы средневекового периода // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 3. С. 162–166.
19. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск: Саранский филиал СП Норд, 1991. 352 с.
20. Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запаदा: историко-догматическое исследование. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1886. 354 с.
21. Книга для чтения по истории Средних веков / ред. П.Г. Виноградов. Вып. 2. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1897. 970 с.

REFERENCES

1. Flier A.Ya. The culture of taking the life. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2008, vol. 1, no. 2, pp. 146–162.
2. Lokk Dzh. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Mysl Publ., 1988. Vol. 3, 668 p.
3. Poletukhin Yu.A. The classicists of legal thought of the Renaissance and the Enlightenment about the problem of death penalty application. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2010, no. 19, pp. 110–115.
4. Krasheninnikov N.A., Zhidkov O.A., eds. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. Drevniy mir i Srednie veka* [History of state and law of foreign countries. The Antiquity and Middle ages]. Moscow, Norma Publ., 2008. Vol. 1, 720 p.
5. Zolotarev A.Yu. On the history of the “barbarian laws” preambles. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2015, no. 2, pp. 61–65.
6. Zhukov E.M., ed. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969. Vol. 12, 496 p.
7. Khachaturov R.L. Genesis of legal responsibility. Part 1. *Pravo i politika*, 2006, no. 8, pp. 38–57.
8. Lyadova M.V., Tuchik E.S., Lyadova A.V. Historical-law analysis of gravity of causing harm to health in the first legislative documents. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2014, no. 11, pp. 14–18.
9. Kistyakovskiy A.F. *Issledovanie o smertnoy kazni* [The study of death penalty]. Tula, Avtograf Publ., 2000. 272 p.
10. Vinogradov P.G., ed. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov* [Reading book on the history of Middle ages]. Moscow, tip. A.I. Mamontova Publ., 1896. Vyp. 1, 447 p.
11. Kosarev A.I. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of state and law of foreign countries]. Moscow, Norma Publ., 2003. 464 p.
12. Kostromin A.S. Punishments related to the monetary treatment of a convicted person in the history of criminal law of foreign countries. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2007, no. 1, pp. 40–42.
13. Lysenko O.L., Trikoz E.N., eds. *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. Drevniy mir i Srednie veka* [Reading book on the history of state and law of foreign countries. The Antiquity and Middle ages]. Moscow, Norma Publ., 2005. Vol. 1, 816 p.
14. Suroven D.A. Legal status of the population on “Lex salica”: to a question of essence of barbarous societies and the states. *Istoriko-pravovye problemy: Novyy rakurs*, 2015, no. 14, pp. 87–151.
15. Yakshigulov F.M. Retrospective analysis of the development of the legislation on the protection of the rights and dignity of the child. *Vestnik VEGU*, 2015, no. 5, pp. 212–218.
16. Zemlyakov M.V. Retrospective analysis of the development of the legislation on the protection of the rights and dignity of the child. *Srednie veka*, 2015, vol. 76, no. 3-4, pp. 76–100.
17. Shpaltakov V.P. State and economics in the middle ages. *Innovatsionnaya ekonomika i obshchestvo*, 2017, no. 4, pp. 15–28.
18. Molchanov B.A. The subject of crime in the legislations of the European countries of the medieval period. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*, 2014, no. 3, pp. 162–166.
19. Shprenger Ya., Institoris G. *Molot ved'm* [Witch Hammer]. Saransk, Saranskiy filial SP Nord Publ., 1991. 352 p.
20. Belogrits-Kotlyarevskiy L.S. *Prestupleniya protiv religii v vazhneyshikh gosudarstvakh Zapada: istoriko-dogmaticheskoe issledovanie* [Crimes against the religion in the most important states of the West: historical and dogmatic research]. Yaroslavl', Tip. G. Falk Publ., 1886. 354 p.
21. Vinogradov P.G., ed. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov* [Reading book on the history of Middle ages]. Moscow, tip. A.I. Mamontova Publ., 1897. Vyp. 2, 970 p.

**MURDER, BLOOD VENGEANCE, AND DEATH PENALTY
IN COMPLIANCE WITH THE SALIC LAW REGULATIONS**

© 2019

I.A. Aleksandrov, PhD (Law), assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: death penalty; murder; blood vengeance; wrongful death; Salic law.

Abstract: The paper analyzes the matters concerning the death penalty, blood vengeance, and wrongful death. The author considers these categories in the context of the Salic law regulations composed during the regency of Frankish king Clovis in the late V – early VI centuries. The relevance of the study is caused by the ambiguity of the role of death category in the jurisprudence and the reasonability of distinguishing the terms “death penalty” and “murder”. In this connection, it is interesting to study the relationship of these concepts in the frames of the abovementioned early-feudal monument of law. The paper presents the characteristics of the ideas of ancient Germans about the blood vengeance for murder. The author considers the totality of Salic law regulations about the wergild payment that is to say the composition including material compensation, harm expiation. The author pays special attention to the title of LVIII Salic law which is called “About soil handful” and to the points of view in respect of its regulations interpretation, as well as considers the list of crimes for the commitment of which the Salic law ordered to use the death penalty as a punishment. The author points at the rationale to compare corresponding Salic law regulations with other monuments of the law of that period containing the reference to a number of other wrongful acts punishable by death. In particular, the question is about an edict of Ostrogothian king Theodorich (V century). To summarize, the author concludes that in Salic law, the practice of blood vengeance for murder substitutes for the system of so-called wergilds different amounts of which show the manifestation of social inequality between various social groups.